

СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

ВТОРЖЕНИЕ

Мастера сыска. Советское время

Мастера сыска. Советское время

Сергей Леонтьев

Вторжение

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев С. Л.

Вторжение / С. Л. Леонтьев — «Издательство АСТ»,
2023 — (Мастера сыска. Советское время)

ISBN 978-5-17-157405-5

Странные слухи взбудоражили весь город. Все только и говорили об НЛО. «Тарелки», как их называли, появлялись в разных районах и даже над единственным «небоскребом» – двадцатидвухэтажным зданием обкома партии. Один из врачей «скорой» Николай Неодинокый, категорически не верящий в инопланетян, решил разобраться в происходящем и... исчез. Пришлось его другу Андрею Сергееву начать новое расследование и ввязаться в опасную игру, ставка в которой не одна человеческая жизнь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157405-5

© Леонтьев С. Л., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Пришельцы	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Леопольдович Леонтьев

Вторжение

© Леонтьев С., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

В первые дни октября погода окончательно испортилась. Зарядил мелкий осенний дождь и не прекращался уже больше недели. Тяжелые темные тучи нависли над городом. Похолодало, пронизывающий ветер бросал в лица прохожих опавшие мокрые листья. Кажется, не было никакой надежды снова увидеть солнце над головой. Скоро придет на смену дождю снег, завоет вьюга и останется лишь грустить о быстро промелькнувшем лете и ждать нового.

Оксана прибежала после лекций насквозь промокшая, уставшая и голодная.

– Представляешь, полчаса трамвая не было! – жаловалась девушка. – Замерзла, лучше бы пешком пошла.

Андрей снял с молодой жены плащ, растер ее холодные ладони.

– Садись, сейчас чай налью, чуть попозже что-нибудь на ужин сделаю.

– Вода горячая у нас есть?

С горячей водой в малосемейном общежитии скорой помощи, где Андрей с Оксаной проживали в одной из немногих комнат с удобствами в виде санузла, второй месяц были перебои. Комендант объясняла проблемы ремонтом на теплостанции, но Андрей считал, что это обычная халатность хозяйственников, не позаботившихся вовремя о горячем водоснабжении.

– Утром вроде была, – ответил он на вопрос жены.

– Тогда я в душ, погреться.

Оксана быстро разделась и закрылась в ванной. Андрей заварил чай, поставил на стол стаканы и тарелку с Оксаниными любимыми пряниками, подумал немного и достал из холодильника остатки сыра и колбасы.

Громкий стук в дверь отвлек его от хозяйственных забот. На пороге стоял Николай, тоже мокрый, замерзший и какой-то несчастный.

– Ты что, с Маринкой поссорился? – спросил Андрей.

Вместо ответа Коля пробурчал что-то насчет мерзкой погоды, скинул куртку и, заметив на столе еду, схватил в одну руку пряник, а в другую – кусок колбасы. Запихав все это в рот, Коля плюхнулся на стул и промычал:

– Чаю дашь?

Андрей налил в большую кружку дымящийся крепкий чай. Из ванной вышла Оксана в махровом халате Андрея, доходившем ей до пяток, внимательно посмотрела на Николая и спросила:

– Ты что, с Маринкой поссорился?

– Да что вы заладили: поссорился, поссорился! Ничего я не поссорился. – Коля взял очередной пряник, отхлебнул чаю и, откинувшись на спинку стула, спросил: – Вы про НЛО слышали?

Андрей в изумлении уставился на друга.

В последнее время в городе действительно случилась «эпидемия» неопознанных летающих объектов. «Тарелки», как их обычно называли, появлялись в разных районах города и даже над единственным «небоскребом» – двадцатидвухэтажным зданием обкома партии, язвительно прозванным в народе «членом партии».

По городу ходили слухи о скором нашествии марсиан, о похищениях людей и приближающемся конце света. Но убежденный нигилист Неодинокый всегда над подобной чушью смеялся и существование «тарелок» категорически отрицал, объясняя подобные явления оптическими эффектами, неумной фантазией и залитыми водкой «шарами» отдельных мало-сознательных граждан.

– Коля, ты заболел? У тебя температура?

Андрей шутливо дотронулся ладонью до лба друга. Николай раздраженно мотнул головой.

– Андрей, ты меня знаешь. Я пока сам не увижу и не потрогаю, ни за что в такую чушь не поверю.

– Ну так в чем же дело?

– А в том, что вчера я сам видел, вот этими глазами.

Подкрепляя сказанное, Коля ткнул себя указательными пальцами в глаза.

Оксана испуганно ойкнула.

– Коль, осторожнее, без глаз останешься!

– Лучше без глаз, чем без мозгов, – проворчал Коля. – От такого и с ума сойти недолго.

– Ну хорошо, – сказал Андрей. – Ты же сам говорил: оптический обман.

– Старик, – возмущенно закричал Неодинокий, – я, по-твоему, не в состоянии отличить обман от реальности?

– Хорошо-хорошо, только успокойся, – примирительно заговорил Сергеев. – Ты действительно видел «тарелку». Но это может иметь много объяснений.

– А это какое объяснение может иметь?

Коля вытащил из кармана смятый конверт и хлопнул им по столу. Андрей осторожно взял конверт, осмотрел со всех сторон. Обычный почтовый конверт, только без марки и штемпеля. Адрес получателя не подписан.

– Сегодня утром в ящике нашел, – ответил Коля на невысказанный вопрос друга. – Ты внутри посмотри.

Андрей достал из конверта сложенный пополам лист бумаги, развернул. Короткий текст был набран на печатной машинке:

«Объяснение увиденному вчера вы можете получить сегодня в 23:55 на Лысой горке».

Лысой горкой в городе называли место около метеостанции. Место пользовалось дурной репутацией, но вовсе не из-за «тарелок». Добропорядочные граждане обходили Лысую горку стороной в любое время, тем более поздно вечером. Горку облюбовали расплодившиеся в городе подростковые банды.

Андрей внимательно изучил текст, посмотрел бумагу на просвет.

– Ну, машинка-то точно не марсианская. Старая, раздолбанная, буквы прыгают, и ленту давно пора менять. Ты же не пойдешь? – спросил он у Николая.

– Пойду! – Коля ударил кулаком по столу. Стакан с чаем подпрыгнул, но устоял. – Обязательно пойду и разберусь, что это за...

Часть 1. Пришельцы

А в это время сквозь зияющее мировое пространство злобно и завистливо на Землю смотрели умы, превосходящие человека так же, как человек интеллектуально превосходит животных. Они неспешно и с холодной расчетливостью вырабатывали против нас враждебные планы.

Герберт Уэллс. Война миров (перевод автора)

Глава 1

Октябрь 1980 года, недалеко от города С.

Три дня небо было затянуто тяжелыми свинцовыми тучами, непрерывно шел дождь, в воздухе повисла водяная пыль, видимость упала до пятидесяти метров. Командир полка отменил тренировочные полеты, офицеров загнали на теоретические занятия и обязательные политинформации. Конечно, «МиГи» – всепогодные истребители, но после прошлогодней аварии под Курском, когда при заходе на посадку в тумане разбился новый «МиГ», а управляющий им пилот, летчик первого класса, погиб, командование предпочитало без нужды не рисковать. Тем более в полк только-только поступили двадцать девятые¹, и летчикам нужно было время, чтобы освоиться с этими сверхбыстрыми машинами.

Сегодня с утра наконец распогодилось, выглянуло солнце, облачность, по информации аэродромной метеослужбы, не более трех баллов в нижнем и среднем ярусах², боковой ветер на взлетной полосе до пяти метров в секунду – летай не хочу.

Полетное задание двойки старшего лейтенанта Вяткина было несложным: выйти в квадрат пятьдесят шесть – двенадцать, в условиях прямой видимости уничтожить неуправляемыми ракетами первую наземную цель, поразить вторую авиабомбами и вернуться на аэродром. В квадрат пятьдесят шесть – двенадцать, где находился полигон, Вяткин летал бесчисленное число раз и мог выйти к цели, что называется, с закрытыми глазами, то есть при полном отказе бортового навигационного оборудования.

Оторвавшись от взлетной полосы, Вяткин убрал шасси и заложил крутой левый вираж на форсаже, с тем чтобы, набрав высоту, сразу встать на боевой курс. Руководитель полетов подполковник Жужгин, конечно, выплет ему по первое число за нерегламентированные маневры над аэродромом, но, в конце концов, старший лейтенант управляет лучшим в мире истребителем, а не тяжелым транспортом.

На десяти тысячах Вяткин выровнял машину, уточнил местоположение, связался с диспетчерской и доложил о готовности приступить к выполнению задания. «Земля» дала добро. Позади пристроился ведомый – лейтенант Ижиков на двадцать пятом «МиГе»³. Они уже подходили к цели, когда поступила новая команда. Вяткин даже переспросил, уточняя, правильно ли он услышал: сменить курс, снизиться до трех тысяч метров и выйти в квадрат двадцать два – двадцать один. Указанный квадрат находился точно над центром города, а полеты над городами с боевым комплектом на борту категорически запрещались. Вяткину показалось, что обычно ровный голос дежурного диспетчера капитана Петрова во время подтверждения приказа дрогнул, хотя виной тому могли быть помехи в эфире.

Скомандовав Ижикову «следуй за мной», Вяткин плавно ввел машину в правый вираж и лег на новый курс, постепенно снижаясь и гадая, какая муха укусила полковое начальство и кого сделают крайним, если сорвется с креплений одна из авиабомб. А ведь были случаи, когда срывались, хорошо, что не над населенными пунктами.

Внизу открылась панорама города. Вяткин доложил о выходе к заданному квадрату и попросил уточнить полетное задание.

«Осмотрите зону, – последовала команда диспетчера, – при обнаружении подозрительных объектов немедленно доложите».

«Что еще за подозрительные объекты?» – Вяткин бросил взгляд на радары и уже собрался отрапортовать, что в зоне чисто, когда увидел большой тускло светящийся диск, напоминающий двояковыпуклую линзу, который прилепился где-то выше с левой стороны. На радарх диск не фиксировался, и его размер, а также расстояние до него определить было сложно. Визуально объект находился в опасной близости, двигался примерно со скоростью «МиГа» Вяткина, уходил вниз и влево.

«Это что еще такое? – пробормотал Вяткин. – Неужто НЛО?»

«Командир, что это?» – раздался в шлемофоне встревоженный голос Ижикова.

«А я знаю?»

Вяткин переложил истребитель в левый вираж, стараясь не упускать диск из виду и в то же время избежать возможного столкновения с ним.

«На высоте три сто вижудвигающийся объект неизвестного происхождения». – Вяткин описал форму, примерные размеры и скорость объекта, указал координаты.

«Продолжайте наблюдение, не выпускайте объект из зоны визуального контакта», – последовала команда.

Уклоняясь от опасного сближения, Вяткин заложил правый вираж, а когда вернулся в исходную точку, обнаружил, что диск висит на месте, словно дожидаясь, когда старший лейтенант завершит свой маневр. Как только истребитель встал на прежний курс, светящийся диск снова пришел в движение, сохраняя изначальную дистанцию. Вяткин добавил оборотов турбины, однако объект также увеличил скорость и неожиданно стал гаснуть. Через несколько секунд диск исчез, буквально растворился в воздухе.

Вяткин выполнил очередной вираж и увидел теперь уже справа внизу быстро двигающийся в сторону от города диск. Старший лейтенант бросил истребитель в погоню. Диск все время ускорялся, передвигаясь какими-то рывками и постепенно снижаясь, как будто собирался сесть. Вяткин включил форсаж, хотя высота была уже менее ста метров и приближалась к критической отметке. Ижиков отстал, что было неудивительно: скорость двадцать пятого «МиГа» у поверхности земли ниже, чем у двадцать девятого.

«Объект уничтожить!» – поступила команда диспетчера.

Вяткин взял диск в прицел и откинул колпачок на рычаге пуска ракет. В этот момент прямо по курсу внезапно возник нестерпимо яркий свет и из него к самолету потянулся молочно-белый луч. Вяткин резко накренил машину, уводя ее вниз и влево. Острые верхушки елей стремительно понеслись навстречу. В последний момент пилоту почти удалось выровнять самолет, но левое крыло зацепило высокое дерево, машина развернулась, клюнула носом, и земля содрогнулась от взрыва.

Глава 2

И, словно мухи, тут и там

Ходят слухи по домам...

Владимир Высоцкий. Песенка о слухах

Вагоны на восьмом маршруте были чешские⁴, гораздо лучше старых рижских⁵ и более новых усть-катавских⁶: ход мягкий, почти не дребезжат, и сиденья удобнее. Зайти приятно, салон светлый, с большими окнами, зимой тепло и летом не душно. Вероника Матвеевна иногда даже специально на своей остановке не выходила, с удовольствием проезжала две-три лишние, потом возвращалась, опять же на трамвае. Благо проезд у нее на городском транспорте, как у ветерана труда, бесплатный. До выхода на пенсию Вероника Матвеевна заведовала почтовым отделением в родной деревне Чугуевке. Отделение обслуживало еще четыре соседних села, и Вероника Матвеевна должностью своей очень гордилась. Правда, работник у нее был всего один – худой как жердь, с длинным и острым вечно что-то вынюхивающим носом, вредный и всегда недовольный почтальон Вьюшкин. Особенно недоволен был Вьюшкин тем, что не его, заслуженного почтового работника, назначили заведующим после выхода на пенсию предыдущего начальника. «О чем они там, в руководстве, думают, – подслушала однажды Вероника Матвеевна разговор почтальона с участковым, старшим лейтенантом Анисимовым, – назначили на такую ответственную должность бабу с куриными мозгами!» Однако Вероника Матвеевна себя «бабой с куриными мозгами» не считала. Наоборот, из-за обилия проходящей через отделение корреспонденции и печатных изданий она относилась к женщинам культурным, высокообразованным и начитанным. Не то что некоторые.

Вот и сейчас, войдя в салон и заняв свободное место у окна, Вероника Матвеевна развернула купленную в «Союзпечати» центральную газету и погрузилась в подробности борьбы чернокожих граждан Америки за свои права.

– Вероника Матвеевна! – донесся до нее вопль, так что она даже вздрогнула. – Это ты, что ли?

Бывшая почтовая служащая обернулась. Позади, занимая двухместный диван своей особой, а также неподъемной с виду хозяйственной сумкой, сидела и широко улыбалась, демонстрируя редкие оставшиеся зубы, старая знакомая. С изумлением Вероника Матвеевна признала бывшую заведующую свиноводческим комплексом Авдотью Николаевну, которая теперь наверняка тоже была пенсионеркой.

– А я смотрю, ты иль не ты? – Натренированный на производственных планерках голос легко перекрывал сопровождающие движение трамвая звуки. – Ну прям городской фифой стала, и не признать сразу!

Пассажиры крутили головами, с интересом наблюдая разворачивающееся представление. Вероника Матвеевна поспешила пересест к бывшей начальнице свинохозяйства.

– Ну что ты кричишь, как иерихонская труба! – блеснула она эрудицией. – Я ж не глухая!

Они не были близкими подругами, но после переезда в город к дочери Вероника Матвеевна скучала по Чугуевке и была искренне рада встрече.

Выяснилось, что Авдотья Николаевна приехала в город на рынок, продавать излишки заготовленного на зиму яблочного варенья, банками которого и была забита перекочевавшая на пол необъятная хозяйственная сумка.

– Яблочек, Матвеевна, в этом году жуть сколько! Я и варенья, и компотов наварила, все одно пропадают.

Приглашение зайти в гости на чашку чая Авдотья Николаевна, не чинясь, приняла.

– Твой чай, мое варенье! Никуда рынок не убежит.

Чай Вероника Матвеевна накрыла в гостиной и даже достала из серванта югославский чайный сервиз, подаренный дочери на свадьбу. Разговор крутился вокруг деревенских новостей. После обстоятельного обсуждения всех родившихся, умерших и уехавших в город перешли к главной новости – летающей тарелке, которая приземлилась около деревни.

– Я, Матвеевна, своими глазами видела, вот как тебя сейчас, как «тарелка» приземлилась. Сначала бабахнуло так, что у Егорыча во дворе скворечник⁷ снесло! – Не по возрасту пухлые щеки Авдотьи Николаевны покраснелись, она с шумом прихлебывала чай и намазывала на толстый ломоть хлеба не менее толстый слой густого яблочного варенья. – Потом из «тарелки» повылазили марсиане и такого страху нагнали на всю деревню, что участковый побежал в город звонить, вызывать подкрепление. А еще агронома, ну ты знаешь, Василия Гаврилыча, утащили!

– Куда утащили, – охнула Вероника Матвеевна, – зачем?

– Так известно зачем – кровь пить. Вот ей-богу, не сойти мне с места!

Член партии с пятьдесят шестого года, заведующая свиноводческим комплексом на пенсии перекрестилась и трижды сплюнула через левое плечо.

– Да ну, ерунда какая, – засомневалась Вероника Матвеевна. – Не будут космические пришельцы, наши братья по разуму, человеческую кровь пить.

– А вот и будут! – горячилась Авдотья Николаевна. – Мне наш новый зоотехник, ты его не знаешь, он недавно из города приехал, говорил, что началось это... это началось... вторжение марсиан! Один ученый еще до революции предсказал.

– Герберт Уэллс, «Война миров». – Бывшая заведующая почтой покачала головой. – Только он не ученый, а писатель-фантаст. Он все придумал, на Марсе разумной жизни нет, это научный факт.

– Ну, нет на Марсе, так на другой планете есть, хотя бы на Луне.

– Луна не планета, а спутник Земли, и там тоже жизни нет.

– А вот и неизвестно! – Авдотья Николаевна ткнула пальцем в окно, за которым сияла полная луна. – На другой-то стороне, которую не видно, никто не знает, что делается! Я по телевизору передачу смотрела...

Глава 3

Андрей хорошо знал своего быстро загорающегося и так же быстро остывающего друга и поэтому был уверен, что ни на какую Лысую горку тот не пойдет. Ясно же, что напечатанное на старой раздолбанной машинке письмо никакого отношения к инопланетным «летающим тарелкам», даже если те реально и существуют, иметь не может.

– Никого и ничего ты на Лысой горке не найдешь, кроме местной шпаны, – убеждал друга Андрей. – Следы надо не на горке, а у тебя в подъезде искать. Я думаю, кто-то из соседей над тобой решил посмеяться. Надоело людям твои музыкальные концерты слушать, вот и подсунили в ящик письмо. Сейчас зубы скалят и руки потирают. Давай в выходные небольшое расследование проведем, разберемся.

– Давай, – согласился Николай.

Мысль о соседской мести была не лишена оснований. Каждый вечер, если не было дежурства, Неодинокий ставил пластинку из своей регулярно пополняемой коллекции виниловых дисков на «Электронику ЭП-017» с прямым приводом⁸, выводил звук на максимум и отключался от действительности. Ровно в двадцать три часа он поднимал иглу звукоснимателя – правила соцкультбыта Коля уважал. Но до двадцати трех попасть в сорок пятую квартиру на четвертом этаже «дома высокой культуры»⁹ можно было, только взломав дверь. Что неоднократно и безуспешно пытались предпринять соседи.

Андрею показалось тогда, что Неодинокий к его доводам прислушался и порыв «пойти и разобраться» пропал. Они еще немного поболтали о том о сем, и Коля ушел. На следующий день у него значилась суточная смена, и надо было выспаться.

Но на смену Николай не вышел. Андрей узнал об этом не сразу. Придя утром на работу, он, как обычно, с головой погрузился в заботы, так или иначе связанные с хлопотной должностью заведующего неврологическим отделением скорой медицинской помощи, на которую был не так давно назначен – к собственному удивлению и огорчению других претендентов. Просидев сорок минут на оперативке у главного врача с обязательной политинформацией¹⁰ в конце, он затем искал замену заболевшей докторше Петровой, ругался с «заправочной», не укомплектовавшей медицинские ящики бригад столь нужным «Лазиксом», просил бригадира водителей связаться с автобазой и заменить машину с неисправным отопителем – все же не май месяц на дворе...

Когда Андрей наконец шел к своему кабинету, где собирался заняться проверкой карт вызовов, его по селектору вызвали к начмеду. У последнего шло заседание лечебно-контрольной комиссии. Разбирали грубую ошибку доктора Бажина, «проморгавшего» ишемический инсульт с классическим гемипарезом, приняв его за безобидный поясничный остеохондроз, и требовалось авторитетное заключение невропатолога, без пяти минут кандидата наук. Андрей заседаний лечебно-контрольной комиссии не любил. По его мнению, они всегда чересчур затягивались, и то, что можно было обсудить за тридцать минут, разбирали часа полтора, иногда два. Но доктора Бажина Андрей не любил еще больше. Вальяжный, самоуверенный, с чеховской бородкой и саквояжем а-ля земский доктор, Бажин страдал завышенной самооценкой и полным отсутствием самокритики. На вызовах он бесцеремонно требовал от родственников пациентов чай с «чем-нибудь», не отказывался и от рюмочки. В дни высокой нагрузки, когда бригады не успевали вернуться на подстанцию и выполняли по четырнадцать – шестнадцать вызовов за смену, Бажин со своими чаепитиями выезжал не более восьми раз. Да еще умудрялся договариваться со старшими диспетчерами, чтобы его не посылали на «уличные» поводы, автомобильные аварии и случаи с высокой вероятностью реанимационных мероприятий и отсутствием перспектив угоститься чаем. Поэтому сегодня Андрей с удовольствием

понаблюдал, как иезуитски начмед вытягивает жилы из Бажина, а тот потеет, бледнеет, трясет бородкой и заикается. И, когда слово предоставили эксперту, то есть ему, Сергееву, не преминул указать на вопиющую безграмотность провинившегося доктора.

В кабинет номер шесть на втором этаже, который они делили с Виталием Исааковичем Белорецким, заведующим кардиологическим отделением, Андрей зашел только в половине первого.

– Где ты пропадаешь? Тебе Людмила из диспетчерской уже раз пять звонила, – объявил Белорецкий.

Андрей решил в диспетчерскую не перезванивать и поспешил вниз. Старший диспетчер Людмила Зотова пять раз по пустякам звонить не будет.

Людмила вышла к нему, взяла за рукав, отвела в сторону.

– Андрей, это не твое отделение, но вы же с Неодиноким друзья?

Коля работал врачом в линейных бригадах – «пехоте» скорой, работой своей был доволен, в «спецы» – кардиологи или невропатологи – не стремился. Дружили они с Андреем еще с института, вместе вкалывали в стройотрядах, Неодинокий был свидетелем на свадьбе Андрея и Оксаны, о чем знала вся скорая.

– Друзья. – Андрей напрягся. – Что он натворил?

– Не натворил, он на смену не вышел. Первый раз, сколько я его знаю, не вышел и не предупредил.

Андрей почувствовал озноб, как будто в коридоре вдруг резко похолодало. Коля всегда крайне ответственно относился к дежурствам и даже с высоченной температурой шел до ближайшего телефона-автомата, чтобы предупредить диспетчерскую о своей внезапной болезни.

– Может, съездишь к нему? – предложила Зотова. – Машину я дам.

– Конечно, съезжу, спасибо, Люда. Сейчас оденусь только.

Андрей повернулся и быстрым шагом двинулся к лестнице.

«Значит, все-таки Коля вечером отправился на Лысую горку, – думал он на ходу. – Может, проторчал там всю ночь и просто проспал? Нет, на него не похоже. Что же случилось? Горка не самое безопасное место для ночных прогулок, но и Коля не слабак, вполне может за себя постоять». Двухметровый гигант Неодинокий спортивными навыками борьбы и бокса не владел, зато в юном возрасте прошел хорошую школу, выходя стенка на стенку в компании пацанов из родной деревни Николаевки против любителей подраться, живущих в соседней Колупаевке. К тому же он виртуозно владел кистенем – гирькой на цепочке, которую всегда брал с собой, отправляясь на сомнительные встречи. Искусству русского боя кистенем Колю обучил дед, промышлявший в молодости разбоем на тракте.

Андрей забежал в кабинет, на ходу стаскивая халат: он собирался взять куртку и ехать к Николаю домой. Но ехать никуда не пришлось. В кабинете сидела Марина, Колина невеста. Покрасневшие глаза и осунувшееся бледное лицо девушки свидетельствовали о бессонной ночи. Вокруг Марины суетился Белорецкий, предлагая печенье и пряники. На подоконнике шумел чайник. Марина отодвигала от себя тарелку с угощениями и мотала головой. Белорецкий снова придвигал тарелку и журчал что-то своим бархатным голосом.

Глава 4

Посеяв в Советском Союзе хаос, мы незаметно заменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить.

Аллен Даллес¹¹

Май 1980 года. США, Штат Виргиния, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ

В идеально сидящем сером костюме, белоснежной рубашке, галстук с зажимом, украшенным небольшим, но наверняка настоящим бриллиантом, новый директор ЦРУ Уильям Джозеф Кейси больше походил на банкира или преуспевающего биржевого маклера, чем на профессионального разведчика. Облик его дополняли очки в роговой оправе с толстыми линзами, глубокая залысина и коротко постриженные седые виски. Стоит, впрочем, отметить, что за годы своей непростой биографии Кейси кем только не успел побывать. Во время войны он руководил отделением службы разведки в Европе, после войны – крупным банком и биржевой комиссией, назначался на должность заместителя госсекретаря по экономическим вопросам и даже был посвящен в рыцари Мальтийского ордена¹². Кабинет директора ЦРУ Кейси занял после прихода в Белый дом нового хозяина, что было вполне ожидаемо, поскольку именно Кейси возглавлял предвыборный штаб победившего кандидата¹³.

Роскошный кабинет еще хранил следы предшественника: за витражами красовались модели боевых кораблей, стены украшали компасы, штурвалы и навигационные приборы, в воздухе стоял неискоренимый запах вонючих никарагуанских сигар, любимых сигар адмирала Бобби Рона Илдмэна. Злые языки уверяли, что отставка адмирала связана не только со сменой власти на Пенсильвания-авеню, 1600¹⁴, но и со скандальным провалом секретной операции в СССР¹⁵.

В отличие от Кейси, его заместитель Роберт Боуви, придя в ЦРУ в двадцать пять лет, хранил верность данной организации, планируя операции и вербуя агентов по всему свету уже без малого четверть века.

Внимательно выслушав доклад Боуви по проекту «Мираж» и пробежав глазами принесенные заместителем бумаги, Кейси спросил:

– Насколько я в курсе, проект «Мираж», кроме чисто военного предназначения, разрабатывался и для другой, не менее важной цели?

– Вы правы, сэр, но у русских есть хорошая поговорка: «Нельзя поймать двух зайцев одновременно».

Кейси усмехнулся и покачал головой.

– Вы не хуже меня знаете, что в разведке операции, как правило, направлены на решение нескольких задач одновременно. Возьмите хотя бы план Даллеса.

– Вы имеете в виду меморандум двадцать дробь один¹⁶, господин директор?

– Именно, и, судя по докладам нашей восточной резидентуры, сейчас мы как никогда близки к его реализации.

– Сэр, я бы воздержался от столь оптимистичной оценки. Предложенный резидентурой план нуждается в серьезной проработке.

– Ну так прорабатывайте, черт возьми! – В голосе Кейси прозвучало раздражение. – Наш президент хочет войти в историю как человек, покончивший с империей зла¹⁷.

«А ты хочешь доказать, что не зря сел в это кресло», – подумал Боуви, но вслух, конечно, не сказал.

Глава 5

Невеста Николая Неодинокого Марина Суровина, старший сержант отдельной роты охраны в городе Таежном, умела держать себя в руках. С Колей они познакомились во время задержания опасного бандита¹⁵. Неодинокий с первого взгляда влюбился в хрупкую девушку, едва достающую двухметровому Николаю до плеча и тем не менее ловко уложившую мордой в грязь здорового тренированного мужика. Выросшая в семье медицинской сестры и милиционера Марина до восьмого класса средней школы пыталась понять, что ей больше нравится – лечить людей или ловить преступников. Трагическая гибель отца в перестрелке с уголовниками положила конец колебаниям. Получив аттестат, Марина подала документы в школу милиции. Девушек сюда брали неохотно, но помогла протекция друга отца, начальника райотдела. На курсе Марина была лучшей, не уступала парням ни в теоретической, ни в физической подготовке. Школу Суровина окончила с отличием, получила звание сержанта и направление в канцелярию городского управления милиции – бумажки перебирать. Рапорты с просьбой о переводе на оперативную работу начальство игнорировало. После полугода мучений все тот же друг погибшего отца предложил Марине перейти в отдельную роту охраны, обеспечивающую безопасность города, который вырос вокруг комбината, имеющего прямое отношение к ядерному щиту родины. Марина согласилась и не пожалела. Работа была интересней, и денег тут платили больше. Она уже несколько раз участвовала в задержаниях, получила грамоту за умелые действия и третью нашивку на погоны.

Но сегодня контролировать эмоции у Марины получалось плохо. Заметив Сергеева, она порывисто вскочила, ткнула лицом ему в плечо и всхлипнула.

По словам Марины, позавчера Николай пришел домой очень возбужденный, сказал, что видел летающую тарелку, но подробностями делиться не стал. Ночью спал плохо, ворочался с боку на бок. Рано утром Марина уехала в Таежный на дежурство. В четырнадцать тридцать пять Коля позвонил на Маринин служебный телефон из переговорника¹⁸. Сообщил о найденном в почтовом ящике письме, зачитал уже известный Андрею текст. В двадцать два десять он снова позвонил в Таежный. Сказал, что пойдет на Лысую горку разбираться. Уговорить Колю отказаться от похода Марине не удалось. Обещал, вернувшись, перезвонить – переговорник работает круглосуточно. Марина всю ночь ждала звонка, а не дождавшись, рано утром первым автобусом приехала в город С. Обнаружив пустую квартиру и поняв, что Коля не ночевал дома, она поехала к Сергееву.

– Умница, правильно сделала, что приехала, посиди, я сейчас.

Андрей оставил Марину на попечении Белорецкого. Ветеран скорой помощи, кандидат медицинских наук, умница и эрудит Виталий Исаакович Белорецкий, кроме профессиональных достоинств, обладал еще одним качеством, на которое Андрей сейчас очень рассчитывал. Невысокий, с неказистой, кряжистой фигурой и породистым длинным носом, Виталий Исаакович умудрялся очаровывать молодых врачей-интернов женского пола, проходящих на скорой практику. В редкую смену в бригаде Белорецкого не было очередной практикантки, преданно смотревшей наставнику в глаза и старательно фиксирующей в школьной тетрадке премудрости постановки диагноза. Пару раз Андрей наблюдал, как практикантки рыдали, уткнувшись в грудь учителя и делясь своими тайными девичьими проблемами. Правда, обычно это были худые, нескладные, на голову выше наставника очкастые создания с костлявыми коленками, совсем не во вкусе Сергеева и не похожие на спортивную, но женственную и весьма привлекательную Марину. «Очень даже ничего», – сказал главный сердцеед и ловелас скорой Вова Буковский, увидев около диспетчерской ждущую Николая Марину. Правда, узнав, что перед ним невеста Неодинокого, он тут же скис и поспешил ретироваться. Крутой нрав Неодинокого на скорой знали хорошо.

Когда Андрей выходил из кабинета, Марина на чай с пряниками уже согласилась.

Сергеев спустился в справочное бюро, попросил поднять вызовы на Лысую горку. Выяснилось, что прошлой ночью в район горки бригады скорой выезжали четыре раза. Два вызова были безрезультатными – пострадавших или больных не обнаружили. На третьем бригада подобрала пьяного мужчину в возрасте за полтинник и доставила в вытрезвитель¹⁹. Четвертая бригада... Андрей почувствовал, как внезапно стали непослушными и слегка задрожали пальцы, листающие страницы журнала вызовов. Молодой мужчина с тяжелой черепно-мозговой травмой госпитализирован в двадцать четвертую больницу, без документов, без сознания. По просьбе Сергеева сотрудница справочной принесла карту вызова. Работала линейная бригада с пятой подстанции, врач незнакомый, почерк на удивление аккуратный и разборчивый: «Неизвестный мужчина без сознания, на голове в затылочной области тупая травма с рассечением кожных тканей, крепитации костей нет, лежит на боку, следы рвоты». Определить возраст пострадавшего ночью, при плохой видимости, сложно. Врач написал, что мужчине около тридцати лет; Коле двадцать восемь, это очень близко. Андрей поднял трубку городского телефона, набрал двадцать четвертую реанимацию. Разговор со знакомым заведующим отделением ясности не внес. У поступившего субдуральная гематома, сделана трепанация черепа, гематома удалена, но когда пострадавший придет в сознание – неизвестно. Если вообще придет.

После чая с пряником Марина немного повеселела, щеки порозовели. Когда Андрей вернулся, она смеялась над очередным одесским анекдотом Белорецкого – запас таких анекдотов у заведующего кардиологическими бригадами был неиссякаемым. Андрей постарался придать лицу нейтральное выражение, но ему это удалось плохо. Марина заглянула Сергею в глаза и смертельно побледнела.

– Что? – прошептала она непослушными губами.

– Пока ничего страшного, – как можно спокойнее сказал Андрей. – Сейчас мы с тобой поедим в двадцать четвертую, возможно, Коля там, но не факт.

В больнице, принимающей «травму» из четырех районов города, как всегда, стоял дым коромыслом. Подъезжали автомобили скорой помощи, некоторые с мигалками. Такие машины сотрудники встречали уже на улице: бригады по рации передавали, что везут «тяжелого». Пациентов быстро, но аккуратно перегружали на каталки, завозили внутрь. В приемном покое ждали своей очереди «легкие», с неосложненными переломами и травмами. Некоторые ждать не желали, требовали немедленно врача, просили, угрожали. Бегали санитары и медсестры. Рентген-лаборанты проносились с еще влажными снимками. Целеустремленно проходили врачи-травматологи...

Андрей с Мариной подъехали к приемнику на выделенной старшим диспетчером дежурной машине.

– Надевай. – Андрей протянул Марине белый халат. – Иди за мной, не отставай, ни на кого не обращай внимания, в разговоры ни с кем не вступай. Я сам буду объяснять, куда идем, если спросят.

Никто ничего не спросил. Они быстро прошли по коридору, поднялись на третий этаж, в реанимационное отделение. Кабинет заведующего был закрыт. Андрей попросил Марину подождать, зашел в ординаторскую и почти сразу вышел с бородатым коренастым мужчиной, который оказался ростом ниже Сергеева, но раза в два шире в плечах. Белый халат на могучей груди бородатого был застегнут на одну чудом державшуюся пуговицу.

– Иван Михайлович, – представил спутника Андрей. – Лучший реаниматолог города и мастер спорта по тяжелой атлетике к тому же.

– Заслуженный мастер, – пророкотал бородатый и внимательно посмотрел на Марину. Повернувшись к Сергею, спросил: – Может, сначала мы с тобой вдвоем зайдем?

– Нет, я с вами, ну пожалуйста... – Марина крепко схватила Андрея за локоть.

Заведующий тяжело вздохнул, пожал плечами и, не говоря ни слова, двинулся к стеклянной двери, на которой большими красными буквами красовалась надпись «РЕАНИМАЦИЯ».

Глава 6

Городской самиздатовский²⁰ журнал «Поиски», печатавшийся раньше весьма ограниченным тиражом под копирку на пишущих машинках, в прошлом году каким-то образом получил доступ к ротационной типографской машине²¹, после чего приобрел широкую известность у читающей общественности, а также репутацию народного и правдивого издания. Злые языки, правда, утверждали, что журнал «лег» под КГБ и доверять ему можно не больше, чем печатному органу Горсовета – газете «Вечерний город», но Вероника Матвеевна этим слухам не верила, считая их сплетнями завистников. Пристрастившаяся за годы почтовой службы к чтению и перечитывающая все выписываемые семьей дочери газеты и журналы – включая «Крокодил»²² зятя, «Мурзилку»²³ внука и «Веселые картинки»²⁴ внучки, – регулярно по понедельникам и пятницам она заходила в пятиэтажку, расположенную через два квартала от дома. Из незапертого почтового ящика номер двадцать три Вероника Матвеевна вытаскивала свежий номер журнала «Поиски». Если она приходила рано утром, только отведя внука в школу, то обнаруживала в ящике толстую пачку номеров. Если же задерживалась – пачка основательно худела. Однажды после обеда ящик оказался пустым.

Сегодня Вероника Матвеевна пришла рано, и двадцать третий был забит до отказа пахнувшими типографской краской листами. Вероника Матвеевна взяла из пачки верхний номер и опустила в стоящую на полу консервную баночку три копейки. Цена на журнале не указывалась, но Вероника Матвеевна всегда платила три копейки – столько стоили центральные газеты в киосках «Союзпечати».

Передовица под жирным заголовком «Космические пришельцы» сразу привлекла ее внимание и напомнила о недавнем разговоре с Авдотьей Николаевной.

Автор, некий Александр Голубь – наверняка псевдоним, – спрашивал, зачем власти пытаются скрыть от общественности появление летающего объекта неземного происхождения над обкомом партии и почему космические пришельцы, не проявляющие агрессивности, были атакованы поднятыми по тревоге истребителями? Также он требовал объяснить, что упало и взорвалось около деревни Чугуевки – космический корабль или атаковавший его истребитель? Журнал обещал читателям провести независимое расследование.

Вероника Матвеевна так разволновалась, что, вернувшись домой, выпила вместо обычных двух три чашки чая с подаренным Авдотьей Николаевной яблочным вареньем. Зная за бывшей односельчанкой слабость к приукрашиванию действительности, она не очень-то поверила в рассказы о летающей тарелке и марсианах, хоть и для поддержания беседы делала вид, что принимает все за чистую монету. Но получается, что Авдотья Николаевна не врала и, даже если что-то выдумала, «тарелка»-то действительно в Чугуевку залетела. Прямо от обкома партии в Чугуевку! А может, и агронома на самом деле похитили? Не марсиане, конечно, на Марсе нет разумной жизни, это ученые уже точно установили. Какие-нибудь пришельцы с Альфы Центавра. В «Науке и жизни»²⁵ недавно писали, что оттуда сигналы радиотелескоп зафиксировал...

В задумчивости Вероника Матвеевна налила четвертую чашку чая.

Глава 7

В райотделе милиции дежурный лейтенант отправил Андрея и Марину в восьмой кабинет, к капитану Шастину. Капитан был где-то на выезде, пришлось ждать почти полтора часа его возвращения. Марина сидела молча, сгорбившись, опустив голову и зажав руки между колен. Зрелище в отделении двадцать четвертой больницы произвело на нее тяжелое впечатление. Андрей воспринял увиденное привычно – отстраненно, хотя мысль, что на реанимационной койке с забинтованной головой и торчащей изо рта интубационной трубкой, соединенной с аппаратом искусственной вентиляции легких, может лежать его лучший друг, здоровяк и жизнелюб Коля Неодинокый, отдавалась болезненным нытьем где-то в области желудка.

Но на койке лежал совершенно незнакомый мужчина.

– Доставили без сознания, – объяснил заведующий, – пока не заинтубировали, все время ерунду нес про марсиан, которые кого-то забрали... Бредил, короче говоря. Крепко мужика по кумполу приложили.

Капитан Шастин вернулся не один, он привел с собой мрачного типа с наколками на кистях рук и беседовал с ним минут сорок. Наконец тип вышел, смерил Андрея взглядом, оскалился, продемонстрировав гнилые зубы, и, насвистывая блатной мотив, удалился.

В узком кабинете с обшарпанной разномастной мебелью кроме Шастина сидел второй сотрудник в штатском, моложе капитана и с гораздо более приветливым выражением розовощекого круглого лица. Он печатал что-то одним пальцем на старой машинке с заедающей кареткой. Капитан разговаривал по телефону, прижав трубку плечом, и одновременно сооружал на столе бутерброд из толстого куска белого хлеба и двух не менее толстых кусков колбасы. Недовольно посмотрев на вошедших, Шастин показал на два хромоногих стула. Андрей усадил Марину на более крепкий с виду стул, сам осторожно присел на край второго. Тот угрожающе затрещал, но не развалился.

Закончив разговор, Шастин с силой хватил трубкой по жалобно звякнувшему аппарату.

– Они там вообще офигели! – сообщил он румяному.

– А я давно говорил, – отозвался тот.

В отличие от коллеги, лицо у капитана было худым, бледным, даже желтушным, с многочисленными сосудистыми звездочками и пигментными пятнами, свидетельствующими о проблемах с печенью и язве желудка. Мешки под глазами выдавали хроническое недосыпание. Критически осмотрев бутерброд, капитан откусил почти половину, налил из полулитровой бутылки кефир в кружку с отломанной ручкой, отхлебнул и, продолжая разглядывать оставшуюся часть бутерброда, произнес:

– Слушаю.

Марина растерянно посмотрела на Сергеева. Тот, решив, что обращаются к ним, выпалил:

– Мы хотим подать заявление о пропаже человека.

Шастин тяжело вздохнул.

– Кто «мы»? Кто пропал, когда пропал?

Пока Андрей говорил, капитан постоянно отвлекался то на телефонные звонки, то на принесенные из канцелярии срочные бумаги, то на толстого майора из отдела кадров, составляющего список участников районного забега, посвященного годовщине Октября²⁶. В забег в итоге записали розовощекого, и довольный майор удалился. Андрей был уверен, что его не слушают, но капитан неожиданно прервал доктора, задал несколько дельных вопросов и, снова тяжело вздохнув, участливо посмотрел на Марину.

– Свадьба через две недели, говорите?

– Да, – подтвердила девушка, – мы уже гостей позвали.

Капитан встал, тронул Сергеева за плечо.

– Пойдем покурим. – И, выходя из кабинета, сказал розовощекому: – Антонов, чаем девушку угости.

Мужчины дошли до конца коридора, где на подоконнике стояла забитая почти до верха окурками консервная банка. Капитан достал пачку «Беломора»²⁷, протянул Андрею, тот помотал головой.

– Я не курю.

– Молодец, – сказал капитан, – а я вот все бросить пытаюсь. Не хватает силы воли. Ты же доктор – может, какое средство знаешь?

– Попробуйте больше есть гречки, гороха и семечек подсолнуха.

Капитан недоверчиво уставился на Сергеева.

– Ты серьезно?

– Да, в этих продуктах много никотиновой кислоты. Помогают уменьшить тягу к курению.

– Ну надо же, первый раз такое слышу. Гречку, горох, семечки... Гречку не купишь, а горох и семечки можно. Спасибо, попробую.

Он прикурил папиросу, сделал несколько глубоких затяжек, посмотрел в окно, повернулся к Андрею.

– Не хотел при девочке говорить, она и так еле держится, но заявление я у вас не приму.

– Это почему же? – возмутился Андрей.

– Да ты не горячись. Во-первых, еще трое суток не прошло. По инструкции не имею права. Во-вторых, даже если приму, меня на смех поднимут.

– Что же тут смешного?

– Да вся эта история с марсианами и похищением. А ты знаешь, что половина мужиков перед свадьбой сбегает? Ну если не половина, то треть точно. В общем, через два дня приходите, если ваш друг раньше не объявится.

Глава 8

Советская Родина вступила в период развернутого строительства коммунизма по всему широкому фронту великих работ. Экономика и культура Советского Союза находятся на крутом подъеме. Успешно выполняется семилетний план – план мощного развития производительных сил нашей Родины. Творческие силы народных масс по всей стране бьют тысячами живых родников. Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Из доклада первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС

Март 1979 года, Западный Берлин

Переговоры делегации Министерства внешней торговли, которую сопровождал курирующий сельское хозяйство член Политбюро, с крупнейшим канадским экспортером зерна в представительстве Внешторга подходили к благополучному завершению. Не менее успешно продвигались и другие переговоры в номере люкс отеля «Эллингтон», скрытые от бдительных глаз двух похожих, как братья-близнецы, товарищей в штатском, приставленных к ответственным торговым работникам.

Он был убежденным коммунистом, но свои тайные встречи с идеологическими противниками не считал предательством. Напротив, был уверен, что идеалы революции, заветы Ульянова-Ленина, надежды и мечты миллионов честных партийцев предали те, кто довел страну до ее сегодняшнего состояния. Не пристало первому в мире социалистическому государству покупать зерно в Канаде, особенно если знать, что царская Россия Канаде зерно продавала!

Впервые за рубежом он оказался в семидесятом году на выставке в Париже²⁸, в составе партийной делегации, состоящей из таких же, как он, секретарей обкомов и крайкомов. Он знал, что по ряду позиций, особенно по товарам народного потребления и продуктам питания, мы пока еще отстаем. Но увиденное перевернуло его представления об этом «пока еще». В любом захудалом промтоварном магазине или продуктовой лавочке выбор оказался больше, чем в спецраспределителе ЦК²⁹. За неделю он не встретил на улицах ни одного пикета, тем более демонстрации трудящихся, борющихся за свои права. По чистым улицам ходили сытые и вполне довольные жизнью улыбающиеся французы. Приветливо улыбались даже полицейские!

Контраст по возвращении домой был настолько разительным, что он впервые усомнился в идеалах. Но по здравом размышлении понял, что идеалы ни при чем. Виноваты конкретные стоящие у руля люди, ведущие страну в тупик вместо светлого коммунистического будущего.

Через несколько лет, когда он был уже кандидатом в члены Политбюро, на приеме в Кремле, организованном по линии Министерства иностранных дел для аккредитованных в Москве дипломатов, он неожиданно разговорился с советником по культуре американского посольства. Советник прекрасно владел русским языком и был приятным собеседником. Они обсудили разные вопросы, затронули тему назревших в стране перемен. Виноват ли был лишний бокал выдержанного французского коньяка, или просто наболело, но он поделился с американцем некоторыми своими мыслями, которые предпочитал не высказывать вслух даже в обществе близких друзей. С тех пор они поддерживали отношения, изредка встречались. Не афишируя, конечно.

В этом году он сделал серьезный карьерный шаг. Помогло решение недавнего пленума ЦК омолодить состав Политбюро. В пятьдесят с небольшим он стал уже не кандидатом, но полноправным членом Политбюро. И пусть пока ему доверили сельское хозяйство, это только

начало. Его поддерживают очень влиятельные товарищи, и у него есть вполне реальные перспективы продвижения к самым вершинам!

Одним из первых его поздравил советник по культуре американского посольства. После чего их беседы, которые до этого носили отвлеченный характер, начали приобретать очертания конкретного плана действий.

И вот сейчас здесь, в Берлине, в отеле «Эллингтон», появился на свет меморандум, описывающий предстоящие реформы и взаимные обязательства сторон. Во-первых, перестройка, гласность, демократизация, либерализация общества. Во-вторых, сокращение военно-промышленного комплекса и армии. Сокращение тяжелой промышленности, преимущественное развитие промышленности легкой и сельского хозяйства. Безусловно, придется пойти на серьезные внешние уступки: вывести западную группу войск³⁰ и войска из Афганистана, ликвидировать СЭВ³¹ и Варшавский блок³², демонтировать Берлинскую стену³³. За это обещаны многомиллиардные кредиты. Плюс обещано не расширять блок НАТО на восток. Западные компании получают возможность осваивать природные ресурсы огромной страны. Ничего, не обеднеем. Зато будут сняты все санкции, и откроется свободная торговля. Пусть, как предрекают некоторые горе-экономисты, страна превратится в аграрно-сырьевой придаток. Это только вначале, а там еще посмотрим.

Итак, главное сделано. Осталось обсудить детали, касающиеся предстоящей смены власти. Эту тему они перенесли на последний день переговоров. Пожалуй, завтра он не поедет в «Эллингтон», погуляет по городу, пройдет по магазинам. Вопрос, конечно, важный, но лучше, если им займутся помощники.

Глава 9

Вечером в общежитии скорой помощи ждали старшего лейтенанта Воронова. Отслужив срочную в морской пехоте и окончив спецшколу КГБ, Олег Воронов получил звание лейтенанта и назначение во второй отдел³⁴ областного Управления. Третья звезда на его погоны «упала» досрочно, после операции по обезвреживанию особо опасного преступника и предотвращению утечки за рубеж материалов, составляющих государственную тайну. Тогда же, появившись в нужный момент в нужном месте, бывший морской пехотинец и спас Андрея от пули профессионального убийцы. С тех пор между доктором и старшим лейтенантом установились дружеские отношения. Через год за срыв планов иностранной разведки в городе Таежном старший лейтенант удостоился «Красной Звезды»³⁵. Андрею, заслуги которого в той истории были ничуть не меньше¹⁵, вручили благодарственное письмо начальника Управления КГБ и «Командирские»³⁶ наградные часы.

После визита в райотдел милиции Андрей взял у Марины письмо, обнаруженное Николаем в почтовом ящике, и поехал разыскивать Олега. Ему повезло: старший лейтенант оказался на месте, что случалось нечасто. В отличие от милицейского капитана, Воронов к рассказанной Андреем истории о странном исчезновении Неодинокого отнесся серьезно. Выслушал, не перебивая, затем достал из конверта принесенное доктором письмо, несколько раз перечитал текст, включил настольную лампу, посмотрел бумагу на просвет и проворчал:

– Жаль, что вы листок захватили, пальчики не снять.

– Так кто же знал, что все так сложится, – вздохнул Андрей.

– Ладно, отдам экспертам, может, что вытянут. Так говоришь, на Лысой горке? Опять эта чертова горка...

– Ты что-то знаешь? – встрепенулся Андрей.

– Не могу тебе все рассказывать, сам понимаешь, – Воронов многозначительно посмотрел на потолок, – да я и сам мало знаю, «марсианским делом» у нас другой отдел занимается.

– Значит, есть «марсианское дело»?

– Стоп, – Воронов вытянул вперед ладонь, – я тебе ничего не говорил, ты ничего не слышал. И вообще, иди домой, успокой Марину, я вечером к вам загляну.

Пришел Воронов в девятом часу, расстроенный и голодный.

– Представляешь, – жаловался он, обращаясь к Андрею и виновато посматривая на Марину, – только я с ребятами, которые «тарелками» занимаются, вопрос перетер, как меня срочно к полковнику вызвали. И я таких получил...

Старший лейтенант проглотил непечатное слово, тяжело вздохнул и закончил:

– Короче, получил я по первое число.

– За что? – в один голос спросили Марина и Оксана.

– За то, что лезу не в свое дело.

– И что теперь делать? – На глаза Марины навернулись слезы.

– Сейчас решим, что будем делать, – объявил Андрей, заваривая чай и нарезая сыр для бутербродов. Поколебавшись, достал из холодильника кусок докторской колбасы, по прихоти Горпищеторга «выброшенной» на прилавок вчера в угловом гастрономе. За колбасой тут же выстроилась длинная очередь, Андрей встал в самом хвосте и переживал, что не хватит. Но отпускали не больше полкило в одни руки, и доктор получил заветный аппетитный светлорозовый кусок.

Недельный продуктовый запас молодой семьи старший лейтенант смел за несколько минут. Андрей с тревогой наблюдал, как исчезают в ненасытной утробе дефицитные продукты,

и надеялся, что жертвы не напрасны. Сыто отдуваясь, Воронов, отхлебнув чаю, достал из внутреннего кармана то самое письмо, положил на стол, разглядел и произнес важно:

– Хорошо, что до разговора с начальством я это успел экспертам закинуть.

– Что-то нашли? – оживился Андрей.

– Немного. Пальчиков, конечно, нет. Печатная машинка «Москва», каретка старая, буквы «а» и «л» западают. Бумага писчая номер один, Каменская бумажная фабрика имени Кирова.

– Что нам это дает? – Андрей пожал плечами.

– Это подтверждает твое предположение, что ни к каким инопланетным пришельцам данное письмо отношения не имеет.

– А к чему имеет?

– Скорее всего, к Лысой горке. Мне ребята успели кое-что шепнуть.

– И?

– Вечером пойдем, проверим.

– На горку? – И Марина категорично объявила: – Я с вами!

– Я тоже, – подала голос Оксана.

После долгих споров ее уговорили остаться дома. Марину, как имеющую боевую подготовку, в опасную прогулку взять согласились.

Глава 10

Май 1980 года, Москва

Звонок аппарата прямой связи с Центром в кабинете резидента ЦРУ Ричарда Лунса, советника по культуре при посольстве США, раздался в девять часов тринадцать минут по Москве. В Лэнгли, в округе Фэрфакс, в тринадцати километрах от Вашингтона, шел уже десятый час вечера. Но непосредственный шеф Лунса, заместитель директора ЦРУ по операциям Роберт Боуви, часто задерживался на работе, и его поздний звонок по закрытой, особо защищенной линии Лунса не удивил.

Не теряя времени на протокольные приветствия, Боуви в обычной своей манере сразу «отрезал к погоне»³⁷.

– Руководство настаивает на активизации работы с вашим агентом, как его... Демократ?

– Либерал, – подсказал Лунс, думая, зачем не страдающему провалами памяти Боуви потребовалось делать вид, что он забыл оперативный псевдоним агента, личное дело которого затребовал не далее как три недели назад.

– Ах да, точно, Либерал, – отозвался шеф. – План, который он предлагает, похож на авантюру, но руководство план утвердило. В конце концов, в случае провала мы ничего не теряем.

«Понятно, – подумал Лунс. – Старая лиса решила заранее дистанцироваться на случай неудачи, поэтому и „забыла“ псевдоним. Если что, крайним сделает меня и сошлет куда-нибудь в Зимбабве».

– Вы на линии, Лунс?

– Да, господин заместитель директора. В случае провала мы ничего не теряем...

– Бросьте этот официальный тон, Ричард. Мы с вами уже не первый год работаем.

«Пятнадцать лет», – мысленно подсчитал Лунс.

– Я понял, шеф, – сказал он вслух. – Активизировать работу с Либералом.

– Да, и оказать ему максимально возможное содействие в реализации предложенного плана. Операции присвоен приоритет первого уровня, ее название – «Падающая звезда». Бросьте все силы на ее реализацию.

«Любят же в Центре красивые названия», – подумал Лунс.

– У вас есть просьбы, пожелания? – поинтересовался Боуви.

«Луну с неба», – мелькнуло в голове у Лунса.

– Мне нужны особые полномочия по проекту «Мираж», – произнес он в трубку.

– Считайте, Ричард, что вы их уже получили.

Если у Лунса и была слабая надежда найти повод отложить операцию или даже отменить ее, то быстрый ответ Боуви убил надежду в зародыше.

– Но, шеф, военные будут недовольны! – Он все же попытался надавить на собеседника.

– А вот это не ваша проблема, Лунс. Докладывайте мне о ходе операции еженедельно.

И приложите все усилия, от результатов операции очень многое зависит. В том числе и для вас лично.

«Намекает на прошлогодний провал. А не я ли предупреждал, что крайне рискованно поручать исполнение диверсионного акта человеку, который не имеет специальной подготовки и соответствующего опыта!»¹⁵

– Постараюсь, шеф, – сухо промолвил он.

– Я рассчитываю на вас, Ричард.

Боуви дал отбой. Лунс аккуратно положил трубку на аппарат, откинулся в кресле, задумался. Наверху сделали ставки, и они очень высоки. Если даже сверхсекретный проект «Мираж», с которым так носился Пентагон, позволено использовать в игре, значит, решение

принято на самом высоком уровне. И в случае успеха можно рассчитывать на медаль Почета или даже на Золотую медаль Конгресса³⁸. А провала ему не простят. И ссылка в резидентуру в Зимбабве покажется удачей. Впрочем, провала не простят и Боуви, как тот ни старается дистанцироваться.

Глава 11

Лысая горка не самая значительная вершина города С. Всего двести девяносто пять метров над уровнем моря, как утверждает геодезический знак, установленный на территории метеостанции. Андрей, когда учился в школе, ходил сюда на экскурсию с классом. Им рассказали, что есть и более высокие точки, больше четырехсот и даже почти пятьсот метров. Но именно здесь построили метеостанцию. Имелось целых пять причин, почему выбрали Лысую горку, а не какую-нибудь другую. Все причины сводились к повышению точности прогнозов погоды. Андрей хорошо запомнил, что причин пять, но повторить сейчас не смог бы ни одну. Тем более что прогнозы все равно точностью не отличались.

Название свое горка получила благодаря проплешине на самой верхушке. Растущие на склонах деревья вверху сменялись низкорослым кустарником, окаймляя, словно лысину на голове великана, большую, почти круглую поляну. Часть поляны занимала метеостанция, к которой вела единственная асфальтированная дорога, упиравшаяся в ворота. Из-за наличия данного метеорологического объекта Лысая горка получила второе свое название – Метеогорка. Дорога к станции давно требовала ремонта, но у городских хозяйственных служб руки до нее не доходили.

Жители Горку обходили стороной, особенно по ночам. Редкие фонарные столбы вдоль дороги скалились разбитыми лампами. Другого освещения, кроме как на метеостанции, здесь не было. Под покровом темноты по склонам рыскали, как голодные волчьи стаи в поисках добычи, подростковые шайки. Когда добычи – неосторожных прохожих или ищущих уединения любовных парочек – не было, подростки устраивали жестокие драки между собой, которые часто заканчивались тяжелыми травмами и реанимацией – для тех, кому реанимация еще могла помочь.

В одиночку Андрей сюда ни за что бы не сунулся. Но в сопровождении старшего лейтенанта Воронова с табельным «макаровым»³⁹ – другое дело. До Метеогорки они добрались в начале двенадцатого. В это время в октябре уже совсем темно, и поэтому Воронов взял мощный фонарь. Но небо было чистое, луна только начала свой убывающий цикл, и необходимости в дополнительном освещении пока не было. Ввиду малочисленности поискового отряда от прочесывания местности сразу отказались. Решили подняться по дороге до метеостанции и наверху осмотреться. Тем более что Николай, скорее всего, шел тем же маршрутом. Конкретное место, куда Коля должен явиться, чтобы получить ответы на вопросы, в полученном им письме указано не было.

Первым шел старший лейтенант, Андрей и Марина двигались за ним.

– Не разговаривайте, смотрите по сторонам, может, что интересное заметите, – проинструктировал спутников Воронов. – Если что, держитесь у меня за спиной и не лезьте под руку.

– Если что – что? – нервно поинтересовалась Марина.

– Ну, мало ли... – Воронов достал из наплечной кобуры пистолет, дослал патрон в ствол. – За мной!

В призрачном лунном свете дорога выглядела совсем разбитой и заброшенной. Метров через пятьдесят она круто повернула, и город пропал. Вставшие темной стеной деревья закрыли городские огни, приглушили звуки. Деревья отбрасывали длинные тени, словно протягивая к идущим призрачные руки. Из глубины чащи доносились какие-то стоны, скрипы, невнятный шепот. Андрею казалось, что вдоль опушки за ними кто-то крадется, собираясь напасть. Шумно пролетевшая над головой большая птица заставила его вздрогнуть и невольно присесть. Андрей не считал себя трусом, но сейчас вдруг навалились детские страхи, вспомнилось, как он боялся заходить один в темную комнату и перед сном проверял, не спрятались ли под кроватью какое-нибудь чудовище. Марина, судя по всему, испытывала похожие чувства.

Она все ближе придвигалась к Андрею и в конце концов пошла совсем рядом, почти касаясь его плечом. Андрей взял девушку за руку, она благодарно взглянула на него, прошептала:

– Вообще-то я не трусиха.

– Я знаю, – шепнул Андрей в ответ.

И только старший лейтенант невозмутимо шел впереди. Шаг у него был легким и бесшумным. Вся его немаленькая фигура как-то подобралась. Он походил на вышедшего на охоту опасного ночного хищника, готового нападать и защищаться.

«Школа», – с уважением и легкой завистью подумал Андрей.

Наконец деревья расступились, друзья вышли на ярко освещенную луной поляну. Внизу снова появились городские огни. Андрей вздохнул с облегчением. Марина тоже приободрилась.

– Стойте здесь, ждите, – скомандовал Воронов и бесшумно скрылся в кустах. Через пару минут он появился уже с другой стороны. – Вроде чисто, пойдем посмотрим станцию.

Высокие металлические ворота были закрыты. Олег подергал калитку, та не поддавалась. Вправо и влево от ворот начинался глухой забор с двумя рядами колючей проволоки сверху. Ворота тоже были щедро опутаны колючкой. Внутри, насколько позволяла разглядеть узкая щель между створками, было темно. И тихо.

– Чего-то я не понял, – озадаченно сказал старший лейтенант, отходя на несколько шагов и рассматривая забор.

– Чего именно? – спросил Андрей.

– Это метеостанция?

– Ну да, мы здесь с классом на экскурсии были.

– А выглядит как секретный объект. Только вооруженной охраны не видно.

– Профессиональную охрану и не должно быть видно, – сказала Марина со знанием дела. Старший лейтенант с сомнением посмотрел на девушку, пожал плечами.

– Это же не ваш засекреченный комбинат, обычная метеостанция. Вроде бы... Ладно, посмотрим, что на территории.

– Это может быть опасно! – забеспокоилась Марина.

– Мы зачем пришли? – спросил Воронов. – На ворота смотреть?

Он прошел несколько метров вдоль забора, разглядывая проволоку наверху. Затем расстегнул куртку, отстегнул висящий на специальных петлях необычной формы нож.

– Интересная конструкция, – заинтересовался Андрей, – дай посмотреть.

Воронов протянул доктору нож.

– Никогда такого не видел. – Андрей покрутил нож в руках. – А это что у него, кусачки?

– Кусачки, – подтвердил старший лейтенант, – берет стальную проволоку до четырех миллиметров. Штурмовой нож НКВД. – Он потрогал проволоку на воротах. – Два – два с половиной, не больше. Возьмет, давай нож сюда.

– Ну ты конкретно подготовился, – сказал Андрей, возвращая нож хозяину.

– А ты как думал, я всегда готовлюсь. Пойду один, – объявил лейтенант не терпящим возражения тоном. – Вы укройтесь пока где-нибудь.

– Мы с тобой, – запротестовала Марина.

– Нет, – отрезал Воронов. – Ждите здесь.

В глубине души Андрей был рад такому повороту событий. Карабкаться на высоченный забор, продираться через два ряда колючей проволоки, пусть даже с кусачками... Хорошо Олегу с его подготовкой, а он все-таки доктор, другому обучен.

Андрей взял Марину за руку, показал на растущие поблизости густые кусты.

– Пошли, там посидим. Олег прав, у одного меньше шансов вляпаться.

В это мгновение что-то неуловимо изменилось. Андрей сначала не понял, что именно, просто стало значительно светлее. Сквозь щели в створках ворот наружу вырвались яркие лучи

света. Как будто на территории метеостанции включили прожектор. Много прожекторов. Затем свет начал медленно подниматься, и над станцией повисла летающая тарелка. Никакое другое определение к этому большому ярко светящемуся диску Андрею в голову не приходило. Диск качнулся и, постепенно ускоряясь, двинулся в сторону города.

Глава 12

Настойки пустырника зять любимой теще не пожалел, нацедил почти треть стакана. Оно и понятно, если теща, не дай бог, помрет, кто будет с детьми сидеть, когда зять с женой по гостям шастают? Кто детей в школу и садик отведет, заберет, накормит, сказку перед сном почитает? Дочь бестолково металась по комнате, то порываясь спуститься на седьмой этаж к какому-то сердечнику, спросить у него нитроглицерин, то бежать к гастроному, где телефонная будка, вызывать скорую. Их девятиэтажка еще не была телефонизирована, только обещали поставить аппараты. Вероника Матвеевна, когда у дочери прописалась, сразу на телефон заявление подала. Она имела право на его установку вне очереди, как ветеран труда и заслуженный почтовый работник⁴⁰. Только что толку, если дом не телефонизирован.

Дети, услышав крики Вероники Матвеевны, проснулись, перепугались, младшая заревела, хорошо хоть, родители почти сразу пришли. Теперь малыши путались у взрослых под ногами, радуясь, что никто их в кровать не загоняет. Смотрели на бабушку с жадным любопытством: помрет или нет?

Помирать Вероника Матвеевна не собиралась, еще чего. Лежала на кровати, держась за сердце, вернее, за то место на груди, где, по ее представлениям, сердце находилось, и тихо охала, наслаждаясь свалившимся на нее вниманием и заботой. Сердце у Вероники Матвеевны было абсолютно здоровое, так сказала участковая докторша, и артериальное давление – как у космонавта. Но испугалась Вероника Матвеевна не на шутку. Теперь испуг уже прошел – но остался в душе, в существование которой Вероника Матвеевна как истинный материалист не верила, неприятный осадок. Потому что увиденное не укладывалось в ее стройную картину материального мира.

По вечерам, когда внуки засыпали и на улице не было холодно, Вероника Матвеевна любила посидеть на балконе, посмотреть на засыпающий город с высоты девятого этажа, поразмышлять о том о сем.хлопотная почтовая служба времени на досужие размышления не оставляла. Вернувшись с почты, Вероника Матвеевна погружалась в хозяйственные дела: мало ли забот у живущей в деревне в частном доме матери-одиночки. Вечером до кровати бы живой добраться... А в городе на пенсии, в квартире с ванной и санузлом, газом и центральным отоплением – другое дело.

Обычно Вероника Матвеевна сидела на балконе до одиннадцати, потом шла смотреть повтор программы «Время»⁴¹ по местному второму каналу. В девять она посмотреть новости не успевала: сразу после «Спокойной ночи, малыши» выключала телевизор и укладывала внуков. Сегодня Вероника Матвеевна засиделась дольше обычного. Думала про выступление товарища Леонида Ильича Брежнева⁴² на внеочередной сессии Верховного Совета, которое показывали в утренних новостях. Выступление очень Веронику Матвеевну расстроило. Товарищ Брежнев на трибуне выглядел совершенно больным и говорил совсем плохо. Некоторые слова Вероника Матвеевна даже не поняла, хотя и включила телевизор на полную громкость. И куда только кремлевские доктора смотрят? Почему не дают товарищу Брежневу специальную кремлевскую таблетку, которая, говорят, даже от рака вылечивает? Или дают, только таблетка уже не действует? От грустных размышлений о здоровье генерального секретаря мысли как-то незаметно переключились на родную Чугуевку. Школьный сторож Кондратич тоже перед смертью плохо говорил. Пришел как-то на почту, руки трясутся, слова вымолвить не может. А через неделю умер. Но Кондратич-то пил сильно. А товарищ Брежнев не пьет. После Кондратича почему-то вспомнился сосед Митрич, тоже уже покойный. Вечно гонявший хворостиной козу Дашку из огорода... Так вот и просидела за полночь Вероника Матвеевна, вспоминая

умерших и живых односельчан. Потом спохватилась – сейчас дочь с мужем из гостей вернутся, поднялась, чтобы поставить на плиту чайник. И тут началось.

Она даже не сразу поняла, что именно началось. Просто вдруг погас свет в окнах девятиэтажки напротив. А потом на крыше включили прожектор. Вернее, это она подумала, что прожектор. Такой же, как у них в Чугуевке на железной дороге. Свет становился все ярче, и внезапно над девятиэтажкой появилось *это*. Вероника Матвеевна много про летающие тарелки слышала, и с Авдотьей Николаевной они их обсуждали, и в городском журнале «Поиски» про них читала. Но одно дело – слышать, другое – своими глазами увидеть. Да еще так близко. Сначала Вероника Матвеевна не испугалась. Конечно, было волнительно, но больше любопытно. Потом, когда «тарелка» приблизилась, увеличиваясь в размерах, и, не снижая скорости, полетела прямо на ее балкон, Вероника Матвеевна заволновалась: сейчас врежется! А «тарелка», и не думая останавливаться, перла вперед, и Веронике Матвеевне казалось, что она видит внутри два нечеловеческих жутких глаза. Вот тут она уже не на шутку испугалась. В голове билась мысль, что надо хватать внуков и бежать, спасаться. Но Веронику Матвеевну словно парализовало. Она не могла не то что двинуться, даже дышать. А «тарелка» как ни в чем не бывало влетела в дом ниже балкона, ничего при этом не повредив. Вот просто так взяла и влетела. Куда она делась, Вероника Матвеевна не поняла, потому что хлопнулась в обморок. Первый раз за всю свою долгую и не самую простую жизнь.

Глава 13

После появления над метеостанцией летающей тарелки экспедицию свернули.

– Надо серьезно разбираться с этой чертовщиной, – сказал Воронов. – Лезть туда сейчас без группы поддержки бессмысленно и рискованно.

– Я сразу это говорила! – поддержала старшего лейтенанта Марина.

– Что ты предлагаешь? – спросил Андрей.

– Завтра, – Воронов посмотрел на часы, – точнее, уже сегодня постараюсь убедить руководство в необходимости заглянуть на метеостанцию с официальным визитом. Поглядим, что там на самом деле творится. Может, и Колю найдем.

Они без приключений спустились вниз. Город уже спал. Воронов махнул рукой удачно подвернувшемуся позднему такси.

– Без меня ни в коем случае туда, – он ткнул пальцем в сторону вершины горки, – не суйтесь. Встречаемся вечером в общежитии.

Андрей проводил Марину домой и во втором часу ночи вернулся к себе. Оксана не спала, бросилась к нему, прижалась, прошептала:

– Я так волновалась...

Она вся дрожала, Андрей гладил тонкую девичью спину, шептал на ухо какие-то успокаивающие слова, вдыхал нежный аромат мягких, чуть вьющихся волос и готов был сражаться с легионом летающих тарелок и пришельцев, кем бы они ни были.

Оксана пришла в бригаду Сергеева на практику два с половиной года назад. Она училась тогда в медицинском на третьем курсе. Первый раз, увидев зеленоглазую практикантку с копной каштановых волос, Сергеев неожиданно для себя смутился и почувствовал сердцебиение, как после забега на девятый этаж. Присутствовавшая во время той сцены тайно влюбленная в доктора фельдшерица Загайнова рассказывала потом в женской комнате отдыха, как обычно невозмутимый Андрей Леонидович покраснел и «язык проглотил».

Практикантка оказалась с характером и за словом в карман не лезла. Большие зеленые глаза смотрели на мир с хитринкой. Но будущую профессию она искренне любила, пациентам, особенно мужчинам, при ее появлении сразу становилось лучше, в самые тонкие вены Оксана попадала с первого прокола, доктора слушала внимательно, вопросы задавала толковые.

Через месяц дежурства без Оксаны казались Андрею скучными. Через полгода он уже не представлял без нее дальнейшую свою жизнь и ужасно ревновал, когда Оксана ходила в кино с красавцем и пижонем доктором Чураковым. Впрочем, эпизод с Чураковым так эпизодом и остался, а после нападения на Андрея весной семьдесят девятого⁴³ Оксана неожиданно сама пришла к нему в общежитие, чего раньше себе не позволяла, опасаясь сплетен. В июле они сыграли скромную студенческую свадьбу, и Андрей стал считать себя самым счастливым человеком на земле. До загадочного исчезновения лучшего друга Коли Неодинокого.

Спал Андрей беспокойно, часто просыпался, хорошо хоть кошмары не снились. Утром он встал с головной болью. Оксана побежала на занятия, взяв «честное-пречестное» слово, что на Метеогорку Андрей не пойдет. Сергеев выпил таблетку аспирина и отправился на работу. «Война войной, а обед по расписанию». Обязанности заведующего отделением с него никто не снимал.

Хлопотную должность руководителя неврологической службы скорой медицинской помощи Андрей занимал уже более года, «на корпус обойдя в финальном забеге всех претендентов», как выразился заведующий реанимацией Серега Петров, когда они обмывали назначение Сергеева. На самом деле Андрей в забеге не участвовал, и предложение главного врача сесть в вакантное кресло явилось для него, как, впрочем, и для большинства сотрудников отделения, полной неожиданностью.

Предыдущим заведующим был колоритный вальяжный армянин Сурен Владимирович Мовсесян, во время очередного отпуска приславший телеграмму с просьбой об увольнении. Секретарша Лидочка уверяла, что просьба эта для главного врача не явилась неожиданностью. Знающие люди утверждали, что Мовсесяном серьезно заинтересовались органы ОБХСС⁴⁴ за спекуляцию с ювелирными изделиями и антиквариатом. После увольнения Мовсесяна за заветный ключ к кабинету номер шесть на втором этаже развернулась нешуточная борьба. Претендентов было двое: тридцатипятилетний Коля Широков и официальный дублер Мовсесяна Галина Ивановна Фатькова, врач с солидным стажем. Боевые действия велись с нарушением Женевских конвенций⁴⁵, противостоящие стороны использовали недопустимые методы, вплоть до грязных анонимок в партбюро, профком и народный контроль. Сергеева по молодости лет в расчет не брали. Как выяснилось – напрасно. Сам Андрей к своему неожиданному назначению отнесся без особого восторга, но и без сожаления. В конце концов, не каждому дано в двадцать семь лет стать шефом знаменитых «инсультных» бригад, созданных самим профессором Шефером.

Убедившись, что все подопечные неврологических бригад вышли на линию согласно расписанию, и взяв в диспетчерской карты вызовов за прошлую смену для проверки, Андрей поднялся к себе на второй этаж. Виталий Исаакович уже был на месте, раскладывал на столе кардиограммы. Через плечо обожаемого наставника заглядывало длинное очкастое создание с костлявыми коленками в коротком халатике. Эта привычная сцена почему-то подействовала на Андрея успокаивающе.

«Ну что ты так разнервничался, – думал он, – Коля найдется, никуда не денется, а с „тарелкой“ и пришельцами Воронов разберется».

Поздоровавшись с присутствующими, Андрей опустился в рабочее кресло из кожзаменителя, подаренное профкомом в честь назначения на должность. Положив перед собой стопку карт в количестве тридцати пяти – восемь и более вызовов на бригаду за смену, неплохая нагрузка, – он приготовил ручку с красным стержнем для записи замечаний, вздохнул и взял верхнюю карту из стопки. Проверка действий коллег на «адресах» была не самым любимым его занятием. Походило на подглядывание. К тому же почерки у докторов известно какие, иногда на расшифровку записи времени больше уходило, чем на оценку правильности диагностики и лечения. Поначалу на рабочем столе Андрея росли целые горы непроверенных карт. Потом он решил, что все проверять смысла нет. Надо действовать по принципу научных исследований: брать достоверную статистическую выборку. Дело пошло веселее, но Андрей по-прежнему радовался любому предлогу его отложить. Вот и сейчас обрадовался телефонному звонку.

Звонил заведующий реанимацией из двадцать четвертой больницы.

– Тебя пациент, которого вы с девушкой недавно смотрели, интересуется? – без предисловий спросил реаниматолог.

– Конечно, интересуется, – живо отозвался Сергеев. – Что с ним? Пришел в сознание?

– Прийти-то пришел, – реаниматолог замялся, – да только...

– Что только? – забеспокоился Андрей.

– Мы его в психушку переводим. Похоже, у мужика крыша серьезно поехала.

Андрей посмотрел на часы.

– Полтора часа у меня есть? Мне с ним обязательно поговорить надо.

– Полтора есть, – ответил заведующий. – Перевозку только после обеда обещали. Но вот насчет поговорить... Короче, приезжай, сам увидишь.

Пациент с повязкой на голове и цветущими на лице синяками лежал один в четырехместной палате. Когда Андрей зашел в сопровождении заведующего, пациент задергался, приподнял голову, оскалился и стал дико вращать глазами. Фиксирующие руки и ноги ремни держали на совесть.

– Гематома была небольшая, – комментировал на ходу бородатый реаниматолог, – убрали качественно. На снимках других повреждений нет. В сознание пришел сравнительно быстро, но абсолютно неадекватен.

Они подошли ближе к кровати. Пациент продолжал отчаянно дергаться, что-то невнятно мычал.

– Не знаю, как ты с ним разговаривать собираешься, – сказал заведующий.

– А я не буду с ним разговаривать.

Андрей достал из кармана Колину фотографию. Снимок был высокого качества, сделан летом в фотосалоне по просьбе Марины. Андрею фото друга понравилось, и он попросил экземпляр для себя.

– Что я тебе, любимая девушка? – проворчал тогда Николай, но копию снимка взять разрешил.

Колино изображение произвело на пациента неизгладимое впечатление. Он сначала притих, рассматривая снимок, потом издал жуткий вопль и дернулся так, что один из фиксирующих ремней не выдержал. Заведующий, матерясь, навалился на освободившуюся руку.

– Марсиане! – орал пациент. – Зеленые человечки... по-хи-ти-ли! У-у-у...

В палату вбежали врачи, медсестры. Андрей счел за благо удалиться.

Глава 14

Май 1980 года

Предприятие общепита в одном из новых районов Москвы с неброской вывеской «Диетическая столовая № 11» внешне ничем, кроме номера, не отличалось от десятков таких же разбросанных по городу заведений, где «язвенники» и «печеночники» могли позавтракать и пообедать, не нарушая прописанных строгими докторами диетических «столов». Вот только иногда к тесному пятачку напротив служебного входа, тихо урча, подкатывали черные машины, которые язвительные граждане прозвали «членовозами» и которые куда вероятней было встретить около высоких дверей министерств и важных правительственных учреждений. Из машин выбирались похожие друг на друга, как близнецы-братья, дородные товарищи в строгих костюмах, длинных плащах и шляпах – или пальто и шапках, смотря по сезону, – и быстро шли к обычно запертой, но при их появлении услужливо распахиваемой двери. Минуя общий зал, товарищи шли сразу в отдельные кабинеты, куда тщательно проверенные официанты быстро приносили блюда, достойные ресторанов высшей категории.

Сегодня на пятачке теснились две черные «Волги» с упитанными водителями, которые снисходительно поглядывали на худосочных «диетиков», спешащих за своими протертыми супами и паровыми котлетками. На крыше одной машины, кроме неперемного «маячка», воинственно щетинились короткие толстые антенны, указывающие на принадлежность данного транспортного средства к силовому ведомству.

– Не буду говорить о настроениях населения, – сказал, завершая речь, Член Политбюро, – это вы лучше меня знаете.

Он разлил по фужерам «Армянский», поняв, что проголодался, взял с тарелки бутерброд с черной икрой, откусил почти половину, смачно пожевал и залпом опрокинул в себя содержимое фужера. Цедить благородный напиток маленькими глоточками он так и не привык, поэтому пил как водку.

Член Политбюро любил произносить речи, неважно где и перед кем: на пленумах и конференциях перед товарищами по партии, на торжественных собраниях перед многотысячными коллективами или перед единственным слушателем, как сейчас, – и всегда чувствовал голод после выступлений. Посмаковав приятно растекающееся по телу тепло, он расслабленно откинулся на спинку удобного кресла. Он знал, что иногда, увлекшись, особенно когда говорил без бумажки, мог уйти в сторону от основной мысли и забыть сказать что-то важное. Но на этот раз, кажется, ничего важного не упустил. Сказал про безнадежное отставание в гонке вооружений, про падающие цены на нефть, про разваливающуюся экономику и недееспособность высшего руководства страны не забыл упомянуть... Подумал, не сгустил ли краски? Нет, нисколько не сгустил.

Он посмотрел на собеседника, пытаясь понять, какое впечатление произвели его слова. Но лицо собеседника оставалось равнодушно-бесстрастным. «Чертов кагэбэшник», – с раздражением подумал Член Политбюро.

Между тем «чертов кагэбэшник» – генерал Комитета государственной безопасности, – внешне оставаясь невозмутимым, в глубине души ликовал. Он давно ждал этой встречи и предпринял ряд достаточно рискованных шагов к тому, чтобы встреча состоялась. Он прекрасно знал все, о чем сейчас почти полчаса вдохновенно говорил сидящий напротив человек, и знал гораздо больше. Например, о прогнозах серьезных аналитиков, предрекающих в ближайшие десять – пятнадцать лет развал Союза, отделение союзных республик, вооруженные конфликты между братскими народами. Сейчас он проигрывал в голове дальнейшие варианты развития событий, понимая, что сидящий перед ним болтун в случае чего выйдет сухим из воды, а вот

для него отставка без генеральской пенсии будет лучшим вариантом, а о худшем лучше не думать.

Генерал погрел в ладони фужер с янтарным напитком, сделал небольшой глоток, взял дольку лимона и, тщательно скрывая неприязнь к собеседнику, произнес:

– Что конкретно вы предлагаете?

Член Политбюро встрепенулся, расправил плечи и снова оседлал любимого конька. Вступительную часть про необходимость чрезвычайных мер, смену политического курса, отказ от противостояния и конфронтации, либерализацию экономики, общественного и политического устройства Генерал пропустил мимо ушей. «Стойку сделал», когда его визави наконец перешел к конкретике.

– Влиятельные силы в Центральном комитете и правительстве создали ГКСР – Государственный комитет спасения Родины. – Член Политбюро перестал наконец вещать с трибуны, перегнулся через стол и перешел на доверительный тон. – Мы разработали план действий, но нам нужны такие люди, как вы, с боевым опытом и знаниями. Вы с нами?

«А с кем еще? – подумал Генерал. – И рад бы с другими, да других нет. Без таких вот болтунов, к сожалению, ничего не получится. Слишком прочно вы там, наверху, окопались».

– Так вы с нами? – с нажимом повторил Член Политбюро.

– А если я сейчас вас арестую за государственную измену? – спросил Генерал с легкой усмешкой.

Член Политбюро снова откинулся в кресле и с недоумением посмотрел на Генерала. «Как не вовремя выбыл из строя Костя, – подумал он. – Надежный, проверенный товарищ. Только новую должность получил, и пожалуйста, инсульт. Пришлось срочно искать замену, обхаживать этого молодого выскочку. А куда деваться? Без силовой поддержки вся кропотливая подготовительная работа псу под хвост пойдет». Но, в конце концов, он свою задачу выполнил, встретился, поговорил. Теперь пусть те, кто этого комитетчика рекомендовал, разбираются. Член Политбюро пожал узкими, почти женскими плечами, пробормотал что-то себе под нос и с видом обиженного ребенка, у которого отобрали любимую игрушку, начал подниматься из-за стола.

Генерал понял, что перегнул палку.

– Ладно, забудьте, конечно, я с вами. Что я должен делать?

Член Политбюро вытер платком выступивший на лбу пот, достал из стоявшего у ног портфеля тонкую красную папку, протянул собеседнику.

– Вот, ознакомьтесь. Нас интересует ваше мнение. Для начала.

Глава 15

*Мы веселье ребята,
Наше имя – октябрята.
Нам не надо лишних слов.
Будь готов! Всегда готов!*
Октябратская речовка

Наташка уже второй месяц ходила в школу и считала себя абсолютно взрослой и самостоятельной. Даже любимую куклу Машку перестала переодевать на ночь в пижамку, которую они с мамой сшили, и брать с собой в кровать. Когда старшие девочки из пятого «Б» класса, который над их первым «Б» шефствовал, собрались ночью на Лысую горку смотреть, как ведьмы летают, то из всего подшефного класса позвали только ее. Чем Наташка очень гордилась, хотя и страшно было до жути.

Про Лысую горку давно уже всякие ужасы рассказывали. Говорили, что по ночам туда прилетают марсиане на «тарелках» и людей похищают. Но каждому школьнику известно, что никаких марсиан на самом деле нет. А ведьмы есть. Вот, например, тетя Люба из тринадцатой квартиры – точно ведьма, недаром в тринадцатой живет. Как глянет своими черными глазами – у Наташки сразу сердце останавливается.

Вовка, старший брат, Наташке на Лысую горку строго-настрого ходить запретил. Но Вовка ушел к дяде Николаю музыку слушать. Мама тоже ушла – квартиру в соседнем доме убирать к возвращению хозяев с Черного моря. Днем-то некогда: в школе мыла, потом в детском садике, – вот вечером и ушла.

Наташка никогда на Черном море не была. И ни на каком другом тоже не была. Мама говорит, что нет денег. Вот откуда у людей деньги на море? Вовка говорит, что воруют. Наверняка воруют. Мама на двух работах вкалывает и еще по квартирам убирать ходит. А все равно на поездку к морю не хватает. Ну и ладно, вот у них в первом «Б» три девочки были на Черном море, а на Лысую горку их не позвали.

Наташка надела свое единственное пальтишко, купленное к первому классу, вязаную шапочку с бомбошкой, которую баба Катя с первого этажа связала, выскользнула из подъезда и побежала к Свете Лебедевой из пятого «Б», у дома которой назначена встреча. Пришла пораньше, боялась опоздать. Не опоздала, первая пришла, села на скамейку ждать. Вскоре все девочки собрались. Немного поспорили, брать Наташку или нет. Толстая Марина, член совета дружины⁴⁶, говорила – не брать, маленькая еще, даже не октябренок⁴⁷. Но Света заступилась. Сказала, что в октябрята никого раньше праздника Революции⁴⁸ не принимают. А после праздника, после осенних каникул, весь первый «Б» примут. И тогда они Наташку командиром звена сделают. Или даже командиром отряда! Толстая Марина немного поворчала, но согласилась. Свету девочки уважали. Она в пятом «Б» староста.

До Лысой горки ехали на трамвае. Уже поздно было, и трамвай долго ждать пришлось. Кондуктор ворчал, что не время маленьким девочкам на трамвае разъезжать, и куда только родители смотрят. В милицию грозился сообщить. Но не сообщил. Света ему сказала, что они едут выполнять важное пионерское поручение, а какое – она сказать не может, секрет. Кондуктор Свету зауважал, сказал, раз поручение, тогда конечно.

Вышли на конечной, потом пешком шли, Метеогорку вокруг обходили. Света сказала, что прямо нельзя. Прямо – территория мальчишек из поселка железнодорожников. Они, поселковые, все тупые и злобные. А с южной стороны – территория городских, то есть мальчишек из города. Там безопасно, потому что там Светин старший брат за главного. Ну, не самого

главного, почти что главного. А поселковые на территорию городских не ходят, потому что такой у них договор.

Когда начали по тропинке наверх подниматься, уже совсем стемнело. Света велела идти тихо, не разговаривать. Шли друг за другом, цепочкой, Наташку в середине поставили. Наташке было очень страшно, хоть и в середине. Тропинка узкая, петляет между деревьями. Не видно ничего, и все время какие-то звуки непонятные из леса. А потом кто-то захохотал жутко. Наташка чуть не описалась. Но Люся, что впереди шла, успокоила – сказала, что это филин.

Наконец страшная тропинка кончилась, и они вышли на большую поляну. На поляне деревья не росли, только кусты. Правда, для Наташки что деревья, что кусты – все выше головы. Зато в кустах удобно прятаться. Если бы не кусты, неизвестно, как все бы обернулось...

На поляне торчал высокий забор. Света сказала, что за забором метеостанция. Девочки спрятались в кустах напротив железных ворот метеостанции и стали ждать. Сначала ничего не происходило. Потом вдруг стало светло, как днем, и прямо на метеостанцию приземлился космический корабль. Это они потом уже решили, что космический корабль. Немного поспорили и решили. А сначала ничего не поняли. Просто очень большая светящаяся тарелка прямо с неба опустилась за забором. Страшно не было, только все очень удивились. Наташка даже дышать перестала от удивления. Даже Ира, которая всегда что-нибудь говорит, хоть ее и не просят, и та молчала. Глаза выпучила, рот открыла и молчала.

Пока все на «тарелку» смотрели, к воротам дядьки подошли, трое: один здоровый, два поменьше. Здоровый начал в ворота кулаками стучать, но ему никто не открывал. И «тарелка» тоже больше не летала, только видно было, что она за забором, потому что оттуда свет шел. Девочки начали спорить, что дальше делать: в кустах прятаться или тоже к воротам подойти. И тут появились *эти*.

Наташка до сих пор, как вспомнит, что она увидела, хочет залезть с головой под одеяло и глаза закрыть. Она так делала, когда совсем маленькая одна оставалась, а в квартире старая водопроводная труба «говорить» начинала. На Метеогорке одеяла не было, поэтому Наташка просто глаза крепко-крепко зажмурила и даже с закрытыми глазами видела яркий свет. Хорошо хоть *этих* больше не видела. Девочки рассказали потом, что из кустов вышли страшные зеленые, похожие на людей, но не люди, какие-то чудовища, схватили дядек, которые в ворота стучали, и куда-то утащили. Здоровый сначала сопротивлялся, но и его утащили. Хорошо хоть девочек зеленые чудовища не заметили.

Как они бежали вниз по тропинке, потом домой, потому что трамваи уже не ходили, Наташка плохо помнила. От страха она все-таки описалась. И девочки тоже здорово испугались. Катя даже плакала. Они договорились, что никому про свой поход рассказывать не будут. Но Наташка не выдержала и брату Вовке рассказала. За что получила подзатыльник. Как всегда.

Глава 16

Марина пришла не одна. Привела школьника Вовку, младшего члена команды доктора Сергеева. Два года назад ловкий и смысленный мальчишка помог друзьям избежать ловушки главаря банды цеховиков⁴⁹. А нынешней весной, когда команда вступила в жестокую схватку с иностранным шпионом и его пособниками, он пробрался в квартиру, где держали похищенного Сергеева, и принес от него записку, раскрывшую план диверсии в городе Таежном¹⁵. В награду Вовка получил заветный велосипед «Спутник»⁵⁰ и разрешение приходить к Николаю слушать музыку. Отца Вовка никогда не видел, воспитывала его, если это можно назвать воспитанием, мать, разрывавшаяся между детьми и тремя работами. По молодости лет Вовка еще не успел познакомиться с детской комнатой милиции, но был весьма к этому близок. Неоднократно к мальчику привязался, Вовка отвечал взаимностью и пропажу дяди Коли воспринял как личную трагедию.

Из-за неширокой Вовкиной спины испуганно выглядывала большеглазая девочка лет восьми с косичками.

– Наташка, – важно представил девочку Вовка, – сестренка моя.

Оксана усадила детей за стол, налила чай, высыпала в вазочку остатки печенья и сушек, достала неприкосновенный запас – банку маминого клубничного варенья. После того как печенье и сушки были сметены, а банка с вареньем опустела наполовину, Вовка толкнул сестренку локтем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.